

Худенький, маленький силуэт во весь дух мчался к нескольким домам, что сиротливо жались у самого края на окраине деревни.

Одно из подворий было обнесено довольно толстой глинобитной стеной. Зияющие дыры в главных воротах были наспех заколочены досками, и стоило налететь резкому порыву студёного ветра, как створки принимались глухо и гулко ударяться друг о друга.

Чанся вбежал внутрь. Этот грохочущий стук дверных досок невольно напугал его, заставив сердце испуганно сжаться, так что он постарался притворить за собой ворота как можно тише.

Сам он был мал, ростом не вышел и никак не мог дотянуться до деревянного засова, поэтому просто подкатил большой камень и намертво подпёр им створку.

Если кто-то из домашних вернётся, то, хорошенько навалившись, они легко смогут её открыть.

Когда ворота перестали гроыхать и хлопать, из дома донёлся чей-то голос:

— Чанся? Или это отец?

— Сестрица, это я, — отозвался Чанся и мелкой трусцой сначала вбежал в крытые соломой центральные покои [Прим. - Центральные покои / Танъу — главное, центральное помещение в традиционном китайском доме (в крестьянских избах часто служило одновременно прихожей, столовой и местом для общих хозяйственных нужд)], а оттуда прошмыгнул в западную комнату.

Двенадцатилетняя Цзян Чанлянь вместе с трёхлетним младшим братишкой Цзян Чанлинем укутались в одеяло и играли с плетеными из травы игрушками. Девочка уже умела немного шить да латать, но в последнее время их мать занемогла, так что никаких заказов на рукоделие ей не перепадало.

Да и лишних иголок с нитками в доме не водилось. Вчера, когда Цзян Чанлянь колола хворост, она случайно зацепилась за что-то носком туфли и порвала ткань. Ей было до глубины души жаль тратить скудные нитки, поэтому она так и не залатала прореху.

На улице стояла стужа, и ей оставалось лишь присматривать за больной матерью да развлекать младшего брата. Чтобы согреться, они вместе кутались в ватное одеяло.

Фу Сюинь лежала на кане. Тяжело покашляв несколько раз и увидев, что ребенок вернулся, она ничего не сказала, лишь попросила старшую дочь налить ей немного воды.

Цзян Чанлянь поспешно нащупала стоявший у самого края печи чайник, налила воду и, бережно придерживая приподнявшуюся Фу Сюинь, дала ей сделать несколько глотков.

Чанся сам стянул туфли, забрался на кан и уселся с самого края, протягивая платок матери, которая как раз закончила пить.

Фу Сюинь вытерла влагу у губ. Чувствуя, что силы по-прежнему покидают ее тело, она снова бессильно откинулась назад, но всё же попыталась немного взбодриться и тихо спросила:

— Ну, что ты там высмотрел?

Цзян Чанлянь хорошенько укрыла её одеялом и тоже подняла глаза на Чанся.

Чанся немного подумал и ответил тоненьким голоском:

— Матушка, там столько фонариков... Много-много! Они совсем как живые цветы: и ярко-красные, и абрикосово-жёлтые, и даже лиловые есть.

Фу Сюинь слабо улыбнулась:

— Надо же, наш Чанся теперь даже знает, какой он — абрикосово-жёлтый цвет.

— Угу, — закивал своей маленькой головой Чанся. — Матушка мне когда-то рассказывала, вот я и запомнил.

Разувшись, он уселся подле сестры, и Цзян Чанлянь укутала их троих одним одеялом.

Одеяло это было совсем старым, покрытым сплошными заплатами. Зимой они не смели даже распороть его для стирки, ведь иначе нечем было бы укрываться. Набито оно было лишь жалкими остатками старой ваты, очёсами да соломой. Всё это было перемешано вместе и в ночные часы едва-едва помогало спастись от лютого холода.

Трое детей жались друг к другу — все худенькие, истощенные, они пытались хоть как-то согреться за счёт чужого тепла.

Оказавшись в тепле под одеялом, Чанся мало-помалу пришел в себя, и щёки с ушами перестали ныть от холода. Он потрогал следы обморожения на своей левой руке — кожа там сделалась твердой, но время, когда она начнёт нестерпимо зудеть, ещё не пришло.

Он давно привык к этому, поэтому относился к болячкам как к забаве, продолжая увлеченно щебетать о том, что только что видел на улице.

Фу Сюинь время от времени заходила сухим кашлем, но всё же заставляла себя улыбаться и перекидывалась с тремя детьми веселыми словами.

Внезапно со стороны входа послышался скрип — это с натугой отворились ворота. Услышав знакомые шаги, Чанся мгновенно прикусил язык и замолк.

В дом вошёл Цзян Хай, таща на спине огромную, тяжеленную охапку хвороста. Гора дров за его спиной возвышалась далеко над его головой.

На дворе уже темнело. Сбросив ношу, он первым делом запер ворота подворья и, лишь задвинув тяжёлый деревянный засов, наконец обернулся.

Эту глинобитную усадьбу несколько лет назад, ещё при жизни, отстроил его покойный отец.

Хотя пахотных земель у них было немного, они владели одним му [Прим. - Китайская единица измерения площади земли. В древности размеры слегка варьировались, но в среднем один му составлял около 600-660 квадратных метров.] первосортного поля. В те времена Цзян Хай был молод, его отец с матерью тоже были полны сил, а после того, как он привёл в дом молодую жену, они трудились вчетвером. Их жизнь нельзя было назвать роскошной, но они всегда ели досыта, так что дела шли вполне ладно.

Пять лет назад отец ушел из жизни, престарелая матушка с каждым годом одряхлела, а затем тяжело занемогла. На её лечение ушло огромное количество денег, здоровье её было подорвано, и она больше не могла браться за тяжелый труд.

Ради спасения матери им волей-неволей пришлось продать тот самый му первосортной земли.

Поначалу Цзян Хай лелеял надежду скопить денег и выкупить плодородный надел обратно, да только в последние годы погода не баловала крестьян. В позапрошлом году случилась жестокая засуха, и земля почти не дала урожая.

Летом прошлого года дожди лили целыми месяцами, колосья выросли тощими да чахлыми, зерна собрали ничтожно мало, и с тех пор семье пришлось туго затянуть пояса.

В минувшем году урожай выдался самым средним. После уплаты земельного налога семье едва-едва хватало зерна, чтобы просто не умереть с голоду.

А с конца нынешней весны занемогла Фу Сюинь. Болезнь затянулась, и ей никак не становилось лучше: её то и дело изнурял сильный жар и кашель, работать она почти не могла, а визиты к лекарю да покупка снадобий требовали немалых денег.

С наступлением зимы её состояние сделалось совсем скверным. Когда жар и кашель обострялись, она не могла даже подняться с постели и была прикована к кану.

А несколько дней назад она пережила сильный испуг, вдобавок простудилась на холоде и вот уже три дня кряду не могла подняться.

Цзян Хай тоже был одет скудно. Стоило подуть ледяному ветру, как он весь сжимался, пряча руки в рукава и поглубже втягивая голову в плечи.

Услышав доносившийся из западной комнаты кашель, а также глухое, тяжёлое хрипение своей старой матери из восточного крыла, и глядя на свинцовое, серое небо за окном, он почувствовал, как на его сердце навалился огромный, неподъемный камень.

Едва вошедший мужчина переступил порог комнаты, Чанся тут же поплотнее прижался к старшей сестре и опустил голову, делая вид, что увлеченно играет со своим сплетенным из травы кузнечиком.

— Вернулся, — негромко произнесла Фу Сюинь и снова дважды кашлянула.

Заметив, что её щёки пылают нездоровым румянцем, Цзян Хай присел на край печи и протянул руку, чтобы коснуться её лба — жар снова усилился.

Цзян Чанлянь послушно вышла на половину кухни, чтобы заварить целебное снадобье.

Мать Цзяна, услышав возню на кухне, крикнула внучке, чтобы та подлила горячей воды в чайник, стоявший в восточной комнате.

На дворе ещё окончательно не стемнело, но ни в одной из половин дома не зажигали ни масляных ламп, ни восковых свечей.

Чанся сидел, забившись в самый дальний угол кана рядышком с младшим братишкой Цзян Чанлинем, и всё так же испуганно прятал голову, не проронив ни звука.

Из-за того, что мальчик постоянно недоедал, его личико было истощенным и жёлтым, однако черты лица оставались аккуратными, да и зубки выросли ровными.

В его облике не было броской или изнеженной красоты, но в то же время он выглядел ладным и миловидным ребенком.

Цзян Хай перевёл взгляд с прикрывающей глаза Фу Сюинь на детей. Младший сын был ещё

совсем крохой, к тому же он — продолжатель рода, мальчик.

Старшей дочери исполнилось двенадцать. Пусть сил у неё было поменьше, чем у парня, зато в домашней работе она была расторопна и аккуратна. Пройдет года два-три, и наступит пора подыскивать ей семью.

Оставался Чанся... Чанся исполнилось восемь лет. Хоть он уже и мог немного помогать по хозяйству, но, в конце концов, оставался всего лишь ребёнком.

Мужчина беззвучно вздохнул, сам налил себе чашу чая из чайника, но горькая кручина в его душе так и не рассеялась.

Что за место этот бордель, он прекрасно знал. Но там, по крайней мере, ребёнка хотя бы действительно кормили досыта.

Конечно, если бы удалось пристроить его слугой или чернорабочим в какой-нибудь знатный и богатый дом, это тоже было бы выходом. Но у них не было нужных связей и знакомств, а деньги требовались немедленно.

Ни один человек в здравом уме не стал бы продавать собственное дитя в местный тайный притон — в деревне все друг друга знали, а уезжать далеко Цзян Хай не мог, ведь дом нельзя было оставить ни на миг.

Но он прослышал, что в переулке Янью есть одна старая сутенёрша, которая скупает детей для отправки в дальние края. Что же касается цены...

Цена за такой товар, разумеется, была куда выше, чем за обычный контракт слуги. Если повезёт, за мальчика могли дать целых пять лянов [денежная единица в древнем Китае, представлявшая собой слиток серебра весом около 37 граммов.] серебра. Не будь нужда столь отчаянной, он никогда бы не додумался до такого шага.

В комнате поплыл горький запах лекарств.

Но даже за самые дешёвые коренья и травы нужно было платить звонкой монетой.

Цзян Хай поставил чашу с чаем; всё его лицо превратилось в маску глубокого, беспросветного страдания.

На дворе стояла зима, работы в поле не было, да и диких трав для похлебки сейчас не сыскать. Ему приходилось в одиночку надрываться на пристани или колоть дрова на продажу, но за этот каторжный труд он получал лишь жалкие медные монеты, на которые едва-едва удавалось поддерживать жизнь.

**

Караванщикам удалось распродать около десятка обычных фонарей и даже сбыть одну пару нарядных праздничных.

Северный ветер завывал всё яростнее, стужа стояла невыносимая.

Те из деревенских, у кого водились деньги, покупали то одно, то другое; бедняки же просто глазели на чужие покупки ради развлечения. Но когда ветер усилился, все поспешили разойтись по домам.

Видя, что время близится к вечеру, караванщики поняли, что продолжить путь и добраться до следующего селения они уже не успеют.

Чжао Ляньсин заранее договорился с двумя соседями, что сегодня вечером его люди остановятся на постой в их дворах, а завтра на рассвете снова тронутся в путь.

Они вышли из городка Юньцзи уже после полудня, так что им удалось пройти лишь короткую часть дня, и до следующего крупного поселения было не добраться.

Чжао Ляньсин всё рассчитал заранее, да и остальные мужчины понимали, что ночлег в деревенском доме обойдется куда дешевле, чем номера в городской гостинице. Именно поэтому они не стали задерживаться в самом Юньцзи.

Пэй Юва надёжно привязал ослов и мулов, затем снял с телеги несколько корзин с оставшимся товаром и вместе с Ван Чжуанцзы занёс их в дом.

Когда скотина немного перевела дух после дороги, он принёс охапку сухой травы, чтобы покормить животных. Трое других мужиков принялись крутить ворот колодца, доставая воду, и наполнили деревянные вёдра, чтобы напоить ослов.

Пэй Юва сначала накормил чужую скотину и лишь в самую последнюю очередь выделил немного сена собственному ослу. Он ласково потрепал животное по голове и бережно похлопал его по бокам, стряхивая дорожную пыль.

Больше всего ослов и мулов в этом караване принадлежало Чжао Ляньсину: его семья держала трёх мулов и трёх ослов.

У Чжао Ляньвана тоже имелось два мула и один осёл, а оставшиеся семь голов скотины были собственностью других мужиков, каждый из которых привел животное из своего хозяйства.

На дворе ещё окончательно не стемнело. Повара уже вовсю готовили ужин в соседнем дворе. Расставив и прибрав всё имущество, четверо мужчин не стали торопиться туда — когда еда будет готова, их обязательно окликнут.

Им выделили западный флигель. Для деревенских условий комната была весьма недурна: кан здесь был просторным, так что четверо взрослых мужчин вполне могли потесниться и сносно пережить одну ночь.

С собой они прихватили два комплекта собственных постельных принадлежностей. Зимние поездки разительно отличались от летних: сейчас ночевать под открытым небом было невозможно, и если не случалось никаких непредвиденных бед, они всегда старались устроиться в крестьянском доме или на постоялом дворе.

Чтобы в случае непредвиденной ночевки посреди дикого поля не остаться совсем без защиты, они еще при выезде забросили на телеги несколько теплых одеял.

Вскоре хозяева дома принесли им еще два старых стеганых одеяла. Пэй Юва принял их, поблагодарил и вместе с товарищами быстро расстелил на кане — теперь места и тепла точно хватит на всех.

Мужчины вели неспешные разговоры, и тут Пэй Юва снова вспомнил о том робком мальчишке. Поразмыслив какое-то время, он подал знак Ван Чжуанцзы, и они вдвоем вышли из комнаты во двор, чтобы завести беседу с хозяином дома.

Ван Чжуанцзы понятия не имел, о чём именно хочет разузнать его спутник, поэтому лишь изредка вставлял в разговор праздные замечания.

Но когда Пэй Юва напрямую спросил про живущего в этой деревне Цзян Хая, хозяин дома заметно удивился:

— Про него-то? А ты откуда его знаешь?

Пэй Юва как раз обдумывал, как бы получше объяснить свой интерес.

Но раз уж разговор зашёл об этом, хозяин дома не смог сдержаться и понизил голос:

— Люди поговаривают, что пару дней назад Цзян Хай, улучив час перед самым рассветом, хотел увести своего второго ребёнка из дома, чтобы продать. Да только жена вовремя почуяла неладное, бросилась вдогонку и силой отобрала малыша, прижав к себе.

— Жили-то они прежде вполне пристойно, да только в последние годы из-за неурожая совсем обнищали. Вдобавок жена его тяжело занемогла, а денег на лекарей нет. Варят ей какие-то копеечные коренья, да только толку чуть: лучше ей не становится, да и работать она совсем не может.

Хозяин дома то и дело тяжело вздыхал на свои же слова:

— Вся семья вместе со стариками и малышами — шесть ртов. Старая мать совсем немощная, дети — мал мала меньше, а пахотных наделов кот наплакал.

Ван Чжуанцзы лишь понимающе кивнул, решив умолчать о том, что Цзян Хай собирался сбыть дитя не куда-нибудь, а прямо в публичный дом.

Что же касается Пэй Юва, то, услышав о столь отчаянной нищете семейства Цзян, он окончательно укрепился в своей давешней мысли.

Раз уж судьба снова свела их вместе на этом тракте, возможно, это и есть предначертанное свыше проведение.

В любом случае, стоило хотя бы спросить. Если семья Цзян наотрез откажется, насильно мил не будешь, но если они согласятся...

Он обменялся с хозяином дома ещё парой фраз, как вдруг из-за забора донесся зычный голос повара, звавшего всех к ужину. Четверо мужиков поспешили за своей долей и вернулись есть обратно к себе во двор.

Пэй Юва управился со своей порцией быстрее всех. Осушив чашу, он тут же направился обратно в соседний двор.

Увидев, что Чжао Ляньсин тоже закончил трапезу, Пэй Юва немного помедлил, а затем негромко окликнул его:

— Брат Ляньсин, выйдем к воротам на пару слов, дело есть.

Услышав, что товарищ хочет выкупить чужого ребёнка и увезти его домой в качестве мужа-шуаньэра (тунянси) для своего сына, Чжао Ляньсин поначалу опешил от изумления, но затем понимающе закивал головой.

В краях, переживших стихийные бедствия, или среди впавших в беспросветную нищету семейств подобные дела не были редкостью. К тому же люди часто предпочитали покупать детей именно в дальних краях, чтобы в будущем избежать лишних притязаний и родственных споров.

Взять в дом малолетнего супруга было выгодно: когда дети подрастут, достаточно будет просто накрыть два скромных стола для соседей и сыграть свадьбу. Не нужно тратиться на богатый выкуп-пиньли [свадебные дары и деньги, которые семья жениха была обязана поднести семье невесты (или шуаньэра) при заключении официального помолвочного договора.], не нужно закупать дорогое вино и подносить обязательные свадебные дары — экономия выходила огромной.

Обычно, когда дело шло через сваху, обе семьи долго присматривались друг к другу, вели бесконечные переговоры, и в итоге свадьба могла так и не состояться.

А тунянси с малых лет рос прямо у тебя на глазах под одной крышей. Если в будущем дело дойдёт до брака, то это решение будет твердым и нерушимым как скала.

Да даже если дети, повзрослев, по какой-то причине не захотят связывать судьбу друг с другом, выращенного в доме помощника всегда можно будет выгодно выдать замуж в другую приличную семью — в любом случае, такой шаг уберег бы хозяйство от лишних трат.

Видя, что Пэй Юва полон решимости и уже успел разузнать, где именно находится дом Цзян Хая, Чжао Ляньсин согласился пойти вместе с ним на самую окраину деревни.

**

— Кто там? — отозвался Цзян Хай на глухой стук в ворота.

Он был в полном недоумении: в такой поздний час, когда все деревенские давно попрятались по домам, спасаясь от пронизывающего ветра и стужи, кто мог прийти к его порогу?

— Здесь ли проживает почтенный брат Цзян Хай? — донёсся из-за ворот незнакомый голос.

Когда створка отворилась, перед ним предстали двое незнакомых мужчин. Сразу видно — не из местных.

Цзян Хай окинул их оценивающим взглядом с ног до головы и хмуро спросил:

— По какому делу пожаловали?

— Мы бродячие торговцы, держим путь по тракту. Сегодня остановились на ночлег у вас в деревне, — вежливо сложил руки в приветствии Чжао Ляньсин, держась крайне учтиво.

Пэй Юва также поклонился по всем правилам. Они обменялись с Чжао Ляньсином быстрыми взглядами, и тот, поняв без слов, после пары обязательных вежливых фраз прямо, но деликатно изложил суть дела.

Цзян Хай поначалу собирался было выставить незваных гостей за порог — он подумал, что эти люди ходят по дворам и пытаются навязать свой товар. В последнее время он только и делал, что мучительно размышлял, где достать денег, и на душе у него было скверно. Кто же мог подумать, что эти двое заговорят с ним о его собственном ребёнке?

— Вы... — он осёкся, не зная, что сказать.

Пэй Юва решил не ходить вокруг да около и заговорил начистоту:

— Это моя задумка. У меня подрастает младший сын, в этом году ему исполнилось пять лет. Я бы хотел взять вашего ребёнка в свой дом в качестве малолетнего нареченного мужа. Брат Цзян может не беспокоиться: если я увезу его с собой, то приложу все силы, чтобы вырастить его как следует.

Цзян Хай долго, мучительно молчал. Его губы беззвучно шевелились, а лоб снова прорезали глубокие, страдальческие морщины.

Одним ртом в доме станет меньше — глядишь, и запасы крупы да муки удастся хоть немного сберечь.

Он пристально вгляделся в лицо Пэй Юва. По сравнению со своим спутником, на чьей одежде не было ни единой заплатки, этот мужчина явно не принадлежал к числу богачей.

Но, в конце концов, за ребёнка можно было получить хоть какие-то деньги.

— Мне нужно... нужно обсудить это с домашними, — хрипло выдавил Цзян Хай.

Чжао Ляньсин понимающе кивнул и произнес:

— Если нам суждено договориться, завтра на рассвете приходи к началу деревни, где стоят наши телеги. Путь перед нами лежит неблизкий, так что самое позднее — в середине часа сы [примерно 10:00 часов утра] караван снимется с места и тронется в дорогу.

— Хорошо, — кивнул Цзян Хай и больше не проронил ни слова.

Чжао Ляньсин и Пэй Юва развернулись и ушли. Цзян Хай запер ворота и, едва переступив порог западной комнаты, увидел, что Фу Сюинь на кане открыла глаза.

— Кто это был? — слабо спросила она.

Цзян Хай бросил короткий взгляд на двоих детей, забившихся в самый угол печи, и после тяжёлого молчания крикнул дочери, находившейся на кухне:

— Чанлянь, уведи младших к бабушке на половину, пусть поиграют там. На том кане сейчас теплее.

Цзян Чанлянь, услышав приказ, зашла в комнату, тревожно посмотрела на отца с матерью и послушно увела младших братьев.

На кане старой Цзян было расстелено самое толстое и теплое из всех имевшихся в доме старых стеганых покрывал.

Деньги в хозяйстве были на исходе, поэтому весь заготовленный хворост — за исключением самой малости для готовки и кипятка — Цзян Хай старался упрямо отвозить на продажу в городок. Из-за этого печи в доме топили крайне скудно.

Чанся слышал, как у ворот кто-то громко разговаривал, а когда отец вернулся, на его лице застыло всё то же пугающее, мрачное выражение. Мальчика охватил сильный, безотчетный страх.

Тем временем в западной комнате.

Фу Сюинь зашлась в жестоком приступе кашля, отчего её щёки запылали еще ярче. Едва переведя дух, она прохрипела сорванным, сиплым голосом:

— Ни за что!

Цзян Хай очень долго не находил в себе сил ответить. Он сидел на самом краю кана, уставившись неподвижным взглядом в земляной пол.

Лишь спустя долгое время он словно очнулся и тихо произнес:

— Это приличные, честные люди. Они привыкли к тяжелому труду, да и смелости им не занимать — проделать такой долгий путь ради торговли и заработка... Наверняка в их доме всегда найдётся лишняя горсть зерна для ребёнка. К тому же он берёт нашего мальчика для своего пятилетнего сына в качестве нареченного мужа. Это честная, законная семья, а не какой-нибудь притон. Это куда лучше, чем...

Цзян Хай осёкся, а его брови сошлись у переносья, образовав глубокую складку в форме иероглифа «чуань»[].

Всяко лучше, чем сбыть его в бордель.

Дела в доме шли из рук вон плохо, и слова тех двоих мужчин действительно заставили его сердце дрогнуть от надежды.

Фу Сюинь лишь бессильно прикрыла глаза, отказываясь слушать его оправдания.

Глядя на её пылающие скулы — этот неестественный, лихорадочный румянец — Цзян Хай чувствовал, как в его груди всё сильнее разгорается глухая тоска и раздражение.

Еще несколько дней они, положим, смогут как-то перебиться. Но ведь на носу новогодние праздники, а в доме нет ни гроша, ни горсти зерна. Как им прикажете выживать дальше?

И когда они окажутся у самой последней черты, им всё равно придётся пожертвовать именно Чанся.

Шуаньэр — он ведь всё равно со временем уйдёт из семьи, когда придёт пора выдавать его замуж. Так почему бы просто не считать, что они устроили его судьбу чуть раньше времени? Пусть денег за него дадут меньше, но это в тысячу раз лучше, чем отдать дитя в загребушие лапы старой сутенёрши.

Он заговорил глухим, надрывным шёпотом:

— У тебя снова начался жар. Сегодня мы допьём последние остатки снадобья, а завтра нужно снова идти в лавку за травами. За те дрова, что я нарубил, если купить лекарство, на муку да рис почти ничего не останется — вся семья будет голодать.

— Оставаясь с нами, он будет лишь терпеть нужду и лишения. Наш младший совсем кроха, а уже вынужден голодать вместе со всеми, то недоедая, то вовсе оставаясь без куска хлеба. В свои три года он выглядит таким заморышем... Если так пойдёт и дальше, неизвестно, сможет ли он вообще выжить.

По мере того как он говорил, взвешивая на весах разума все выгоды и потери, его решимость

крепла. Мужчина испустил долгий, протяжный вздох:

— Если у нас появится хотя бы два-три лян серебра, я смогу отвезти тебя в городскую лекарскую управу. Купим хороших, дорогих снадобий, глядишь — одна-две чаши точно попадут в цель, и болезнь как рукой снимет.

— Чанлянь и Чанлинь наконец-то смогут поесть досыта. Когда в руках есть хоть какие-то деньги, можно с надеждой смотреть в завтрашний день.

— А с Чанся... значит, просто не суждено нам было пройти этот путь вместе.

Фу Сюинь по-прежнему лежала с закрытыми глазами, но крупные слезы одна за другой катились из-под её век, исчезая в волосах у висков.

**

На дворе ещё стояла глухая темень. Чанся спал беспокойно, сквозь сон он с трудом приоткрыл глаза и заметил, что на столике затеплилась масляная лампа.

Этот крошечный огонек светил тускло, пробиваясь сквозь полумрак зыбким маревом.

В их доме крайне редко зажигали лампу. Увидев, что матушка сидит у стола и усердно перешивает какую-то вещь, мальчик потёр глаза и тоненьким голоском позвал:

— Матушка?

Фу Сюинь глухо и тихо закашлялась. Услышав голос Чанся, её рука с иглой на мгновение замерла. Она не подняла головы, лишь отозвалась сорванным, сиплым голосом:

— Ещё слишком рано, дитя. Спи.

Чанся поглубже зарылся в одеяло. Его ледяные ступни, которые никак не могли согреться перед сном, за целую ночь наконец-то отошли и потеплели.

Он лежал смирно, не смея шевелиться: трое детей укрывались одним общим одеялом, внутри скопилось драгоценное тепло, и любое неосторожное движение могло впустить внутрь ледяной воздух.

В полузабытьи он снова погрузился в сон, но этот отдых не принёс ему покоя.

Наступил рассвет.

Во двор дома Цзян вошли несколько человек. Чанся отчётливо слышал доносившиеся снаружи голоса, и от этих звуков его охватил неопишуемый ужас, а в глазах застыло дикое, паническое безсилие.

Цзян Чанлянь сидела на деревянной скамеечке, крепко прижимая к себе ещё ничего не понимающего младшего братишку.

Дверь в комнату была плотно претворена. Фу Сюинь, прислонившись спиной к стене, по-прежнему сидела на кане. Она притянула Чанся к себе и принялась натягивать на сына старую тёплую куртку-ватник, перешитую под его размеры.

Эта куртка прежде принадлежала ей самой, и из-за спешки переделка вышла грубой и

нескладной.

Сверху она натянула на ножки Чанся ещё одну пару латаных носков.

Чанся сидел на самом краю печи, свесив худенькие ножки вниз. Он был полностью растерян, объят паникой и мертвой хваткой цеплялся за рукав Фу Сюинь, не отпуская его ни на миг.

Фу Сюинь не нашла в себе сил спуститься с кана. Она повернула голову к старшей дочери и глухо скомандовала:

— Чанлянь, туфли... Обуй его как следует.

Цзян Чанлянь молча подошла ближе и аккуратно натянула туфли на ноги брата.

Мать заново переплела волосы Чанся в аккуратный узел и заботливо расправила складки на его нехитрой одежде.

Шум за окном начал стихать — похоже, мужчины снаружи пришли к окончательному согласию. В этот миг из глаз Фу Сюинь хлынули безудержные слезы.

Створка двери отворилась, и в комнату вошёл Цзян Хай. При виде Чанся его губы беззвучно зашевелились, но он не решился сразу подойти ближе.

Мальчик не мог вымолвить ни слова, лишь продолжал отчаянно цепляться за рукав матери, и его тонкие, истощенные пальчики побелели от напряжения.

Спустя мгновение Цзян Хай негромко произнес:

— Чанся, иди к отцу.

Мальчик не сдвинулся с места. Он лишь повернул голову к матери, и в его взгляде застыл дикий, молящий ужас и скорбь.

Слезы Фу Сюинь лились сплошным потоком. Внезапно, собрав в кулак всю свою жестокость, она изо всех сил оттолкнула от себя Чанся и отвернулась в сторону, выкрикнув:

— Уходи! Ступай вместе с ними... Отныне здесь больше нет твоего дома!

Она зашлась в глухих рыданиях и больше не смогла вымолвить ни единого слова.

Цзян Хай шагнул вперед и силой разжал тонкие пальцы Чанся, освобождая рукав Фу Сюинь.

Мальчика подхватили на руки и вынесли прочь из комнаты.

Цзян Чанлянь дошла до самого порога и лишь безмолвно смотрела вслед уходящим, пока слезы непрерывными нитями катились по её щекам. Она не смела издать ни звука.

Трёхлетний Цзян Чанлинь, словно почуяв неладное, замер на месте, не смея пошевелиться.

**

Для этого дела пригласили деревенского старосту-личжэна [Прим. - деревенский староста, назначаемый властями или избираемый из числа самых уважаемых и зажиточных местных жителей для ведения учёта населения, сбора налогов и разрешения мелких споров в общине.]

и двоих почтенных старцев из местных жителей, дабы те выступили свидетелями. Руку Чанся крепко перехватили и заставили прижать испачканный в туши палец к заранее составленному брачному свидетельству-хуньшу.

В этой бумаге были во всех подробностях записаны его имя, место приписки и точный возраст. Согласно документу, за цену в два лян и пятьсот вэней в такой-то год, такой-то месяц и такое-то число он передавался в качестве малолетнего нареченного мужа (тунянси) сыну Пэй Юва по имени Пэй Яо, проживающему в деревне Ваньэр волости Фуян управы Яньцю.

Это была официальная брачная запись, которая одновременно служила и купчей — контрактом о продаже живой души.

Пэй Юва достал из своего кошелька кусочки серебра и тщательно взвесил их на ручных весах, после чего передал точную сумму в руки Цзян Хая.

Выезжая из дома, он взял с собой ровно два лян серебра — его супруг-фулан специально зашил эти деньги в потайную складку одежды. Прошлой ночью Пэй Юва распорол шов и достал серебро, а оставшиеся пятьдесят вэней (пять цзяней) только что занял у Чжао Ляньсина.

Как только расчёт был полностью завершён, Чанся увели со двора.

<http://bllate.org/book/17875/1712314>